СТАНИСЛАВ ЛАКОБА

ИЗБРАННОЕ

Абгосиздат
Сухум 2011

ББК 84 (5Абх) 6-5
Л 19

Лакоба, С.Т.
Л 19 **Избранное** : стихи, рассказы. / Станислав Лакоба – Абгосиздат. Сухум, 2011. – 132 с.

Станислав Лакоба первым привнес в абхазскую поэзию восточную лаконичность и образность. Языческая свежесть многих стихов контрастирует с его городской прозой, но во всех его вещах сквозит авторская одержимость природой, редкая у городского жителя. Историк по образованию, Лакоба остро чувствует время и играет с ним похозяйски, заставляя работать на объемность текста.

В предлагаемую книгу Станислава Лакоба вошли в основном стихи и рассказы из литературных сборников «Колесо и снег» (1979), «Весна на траве»(1981), «Опрокинутое»(1985).

ББК 84 (5Абх) 6-5

© Лакоба С., 2011
© Абгосиздат, 2011

С

Т

И

Х

И

Из цикла «Утро», (1970–1971)

***

магнолия
распустилась

белая-белая

голова
разболелась
стала
больная и белая

и ночь побелела

а лицо луны
было бледным

и люди
были
белы и бледны

как утопленники

магнолия
распустилась

белая-белая

и в эту ночь не уснуть

***

пил
ил

лип
ли
лип сок

пал
ал
лист

лес
сел
лыс
и по алой аллее лета покатилась
холодная слеза осени

***

печаль двойная
на седой траве
росла зонтом
под одиноким небом

***

рука
истекла

истек

и стек
по кисти
красный
лист

и кости
осени
обнажены

листы
листы

***

стертые сады
воспоминаний
разбиваются взлетом льдов
и на древнем
снегу столетий
птичий выстрел
по стае снов

***

и волосы дерева
с твоими сплелись волосами
и помню в глазах твоих
темные птицы застыли
и рухнуло
в хрупкие руки гнездо небольшое
и белые молнии
налили их теплою кровью
и ветер унес
твое светлое стройное тело
и небо рыдало
в траве твоих рук бесконечных
и странные грозы
умчались ночными дождями
и строгие призраков лица
окрасились в бледные камни

***

Священной книгой ветра
взлетаю на мачту мечты
над звоном мечей
поколений
большими глазами совы

И темною
костью кисти
пишу
созвездий слова
на облаке белого черепа
обликом мертвеца

Мне бы волосы серые ночи
заарканить

деревьями звезд
и одевшись росою вечной
выбросить
камни слез

Мне бы руки – немые горсти
опустить в сверкающий лес
будто бритвой
густые полосы
проливая на горле небес

Камни глаз твоих
небо
выбросить
и разбить ими
стекла сна

и созвездия-гнезда
выстроить
побелевшим крылом весла

Мне бы волосы серые
ночи
заарканить рощами звезд
и одевшись росою млечной
выбросить
скалы слез

Мы слышим
на дне вырастают
ночные мачты-цветы
это сумерки наплывают
призраками мечты

и врезаясь
в иные пены
убегают вдаль корабли
унося
на спинах столетий
голубые мачты-кресты

Из цикла «Под парусами глаз», (1972–1977)

***

Под парусами глаз плывет гора
И чей-то голос.
В нем тонет дождь.

Голое дерево в небе голом
И голос голый
Как вода.
В нем тонет дождь.

Под парусами глаз плывет гора.

***

Ветер в траве
и упавшее дерево
на котором отплыл корабль детского смеха

И небо такое огромное

Босой тропой пробегает чье-то детство
а тропа живущего еще старика давно заросла
ежевикой

***

молния сказала что и ночное небо синее

Анакопия

Вся в ливне ветка рекой впадала в небо.
Крестьянин
хоронил кувшин с вином
в земле
и молния улыбки пробила русло
вдруг
на каменном его лице.
Он думал о весне
ласкал руками глину
глазами пил закат вина
и отражался
в зеркале стены заброшенного храма.
Алел улыбки шрам и бесконечный
дождь
слетал осенней птицей на острие копья

бледнеющей скалы.
Она спала нанизывая капли...

Вдали
промокший человек – отрезок горизонта
входил куда-то шумным водопадом...

***

со старой крыши
упала капля
отстала от вчерашней стаи ливня

***

человек
долго скитался в горах
и от тоски по дому
на черной бурке его
рассыпался звонкий аул росы

Лыхны

глаза коня вышли навстречу небу.
он весь – бог взгляда.

осеннее небо
падает словно лист
мокрый и пепельный.

мокрый и пепельный конь
замер
у белого храма
чья душа – одинокое красное дерево.

***

ветер разламывает крылья крика

женщины в черном
проносят кувшины глаз

***

остановилась птица в полете
она устала
нести свою тень
по земле

Из цикла «Встреча миров», (1973–1975)

***

в горах любовался змеей
она напомнила море

***

скорпион
влез на белый цветок
и умер от неожиданности

***

ветви сомнений и ветер белый
взгляд чей-то беглый
холм сновидений

руки взлетели и камнем
упали
крылья сломали
крылья сломали

крылья сломали о волосы ветра
взгляд чей-то белый
взгляд чей-то беглый

ветви сомнений и ветер белый
листья летели и капли пели

...мокрые молний аллеи вбегали
в тонкие нити темных далей...

ветви сомнений и ветер беглый
взгляд чей-то белый
холм сновидений
взгляд словно петли а губы
плети

ветви сомнений
ветви сомнений

***

сегодня туманное небо
над морем свинцово-бледным

сегодня застыли реки
молчанием мертвой рыбы
и птица с разрывом сердца
взрывает упругую высь

сегодня голое море
и желтые берега руки
расставили сети-морщины
на пепельно-тихой воде
сегодня больной краб скорби
вычертил иероглиф
на мокром от слез песке

Из цикла «Лист», (1975–1977)

***

сказал: облако
и во мне хлынул дождь

***

мокрая ветка
ее цветок
пустота

***

упал лист
дерево стало осенью

***

жара

так шумит река в ущелье
словно в ней пошел дождь

***

багровое дерево вишни
здесь разбился ветер

***

мне встретился старик
с глазами двойной пропасти

он шел по морщинам гор
опираясь
на посох древнего водопада
и белые волосы его
словно парус
разорвались
на ленты лет

Из цикла «Сугроб», (1973–1977)

***

Я видел как старый камень
Падал в пропасть,
Словно в свое гнездо.

Камень знал, что птицы
Падают иногда камнем.
Так говорили люди.
Но ему очень хотелось,
Чтобы кто-то сказал:
«Помнишь, тот старый камень
На той вершине?
Он стал птицей»...

***

Пела тропа
раскрыв свой рот горящих ягод.
Устало дышали кони неся на себе
горы.
Мы поднимались в небо.
Пили родниковую воду после ушедшего
зверя
шли по следам медведя все выше
и
выше
где камни-паломники отбросили
посох времени
удалили лики от мрачной улыбки
солнца.

Только темная бабочка с мутно-минутными
глазами
беззаботным вечерним крылом отсчитывала
века
над бескровными телами камней
чья кровля –
закат.
В воздушном безмолвии их
словно в глазах слепого отшельника
можно прочесть
книгу без слов
книгу
в небесном переплете.
«Небо под ногой» – так назвали абхазы
этот лес камней.

Нас встретили огромные собаки.
Они напоминали бегущие
холмы.
Глаза их были волчьими а повадки
медвежьими.
Несколько мгновений мы жили
по строгому закону
царства лая.
Травы в рост человека мешали идти.
Спокойно стояли кони будто они
камни.
Вдали на белых веслах рук плыл человек-челнок
медленно приближаясь к нам.
Лохматый
пропахший дымом и сыром
он отогнал собак властным окриком.

Руки горца
напоминали два листа винограда
и весь он был вылеплен из слова
«здравствуй».

Травы истекали зеленью во взгляде буйвола.
туманный почерк его звуков:
а-а-а
был непонятен нам.

В горной долине
над одиноким дерево-морем огромной волной
застыл вол-волшебник.
Он притаился чтобы поймать то
что еще никому не удавалось –
поймать облако.
Мы любовались им и буйволенком

у такого же по-детски маленького
и алого озера.

Буйволица-мать тонула в зелени трав
и два ее черных глаза
казались неподвижными цветами
в ожидании ночи.

Дичали
оседланные небом кони.

Мы смотрели на высокие травы
и они рассказали сказку:
выросла трава
буйвол стал буйволенком...

Из поэмы «Небо под ногой», (1975)

Воинам Абхазского царства

ворваться в мир
стрелой X столетья
с ладонью-лезвием на синем
стяге

и жить до 30 как древний воин

вновь выстроить столицу
в скалах
из ветра вырезать молитву
и быть в родстве с суровостью
заката

поить коней ночными родниками
и сокрушать врага
лавиной птичьих глаз

***

в зеркале ледника нелегко отыскать себя

на отвесной скале
волосы неба соединились с моими
и взгляд
разбившись вдребезги о пустоту
вновь ожил камнем

вот прилетела птица
из другой вселенной
ей нравится играть с ладонью
словно с облаком
и крылья распускать над головой
мне кажется она впервые
повстречала человека

а может быть она подсказывает мне
что я
не человек а ветка неба
или держава звезд
дрожащая в ночи

Из цикла «Стяг в ночном небе», (1978–1981)

***

под листопадом темных слез

великой каплею печали
она проносит грусти горсть

под листопадом темных слез

она сверкает стеклами ладоней
как ледяною данью дню
и вздрагивает крыльями пчелы
ее плечо
в невидимом плаще из плача

и широко цветут растения-глаза
в прозрачной вазе побережья

***

над нами
небо
и под нами
небо

парит орел
замедленным пятном
пытаясь как змею
схватить реку за горло

а между нами и орлом
сверкает озеро
из наших глаз
случайно выпавшее
пастух

из леса трав и запахов цветов
выходит к нам
тысячелетием

в руках – волчонок
на устах – легенда

от старости стираются морщины
и плачут тучей
два вечерних бога
под сводами седеющих бровей

***

деревья бегут из лесов
и начинается пляска
косматого народа
и города душит ужас сумрачной
песни
и кто-то наложил на себя
руки
в глухом от речного крика
ущелье

седеют известняки известно вам это ?

человек
углубляется в лес

в пустыню
в степь

избегает людей
громко кричащих песни
наступающих на осени
ветки
потому что им нравится
хруст
повторяющий хруст креста

и нравится в нежность играть
с фиалкой

человек
забывает о тропах

и дружит со стрекозой
он опускает лицо свое в мутный
оазис
но ему не узнать себя в Азии
и вот он плывет среди плесков
песка
безглазый
безгласный

держась за кончик хвоста
свирепой гюрзы – добрейшего поводыря
плывет
мимо садов одуванчиков
округлых
будто бритые головы
пещерных буддистов Тибета

он сидит Бодхидхармой перед белой стеной горизонта
вспоминая себя цикадой которая видит
как объезжали коней во времена Шамиля
видит имама
с прощальным профилем Гуниба
пророка миражей
и Мекки мрачного паломника
чья борода в пустыне высится
единственной скалой среди равнин
как памятник Кавказу
побитое ветрами эхо
дрожаньем окон
возвращается
дичает прирученный конь
бросая из седла седого

наземь
уверенного седока

где-то скачет кочевник
табунами копыт
в колчане его туча
скучающих стрел

там так стареет широтою степь
что пульса своего не слышно
там устают идти часы

там проплывает облако
и день становится длиннее

***

вытерев ноги о слов росу
в меня словно в дверь
вошел Лао-цзы

встречаюсь с ним
и не вижу лица его
следую за ним
и не вижу спины

все слова унесла река
и голос звериными тропами
охотился в одиночестве

прозрачные слоны
несли каштановые рощи

цветущего молчанья
роняли листопады слез на каменные склоны
из ног выстраивая
ступы многоликих будд

я слышу
медленно как миг
вбегает в мою душу муравей
чья тень с утра торопится к закату

***

уйти
уйти в себя как в горы

бежать с волками
пить ночное небо
и глотку пустоты с волчицею терзать

одеться в снег
чтоб затерялись ноги
и растворился человечий след

сквозь перевал дождей
войти в пустынный храм
и слиться с беспредельностью
простора

найти отживший век
и древним камнем стать
с чертами воина вселенной

порвать с собой
и встретить светляка
в тот миг когда на миг погас он

Из цикла «Февраль – летний месяц»,(1982–1985)

***

Стрекоза села на медузу и вздохнула: «Наконец-то я достигла облака».

А медуза подумала: «Наконец, я поймала птицу».

***

Проникну в запредельное
и снова начнусь неокончившись

Приду двойником
к своему очередному рождению –
и над травинкой
распустится одуванчик

***

Я вижу как с веток
стекают люди —
дети дождя

***

Это черное нервное море
как черный хлеб
в подвижных пальцах безумца

Я в дырявой лодке
плыву и плыву по песку
и горжусь
заблудшим псом-исполином
потому что его раскаленный язык
лижет весла соленые
разбитые с самого лета

Приближается вечер без палки
опрокинутый в ласковый лай
я не брат мой и все же

леплю
человека по имени
женщина

Ты дрожишь
и руки мои коченеют
от холодной глины дождя
У меня большая беда –
протекает твой зимний портрет как крыша

Очень глупо раскланялся
с незнакомцем без ног
а потом наблюдал следы на песке
Еще раз поразился
человечьей от волка настойчивости

и твоей обожествленной улыбке

***

Мы бродили тесными переулками разговоров
и я почувствовал как ты пахнешь
улыбкой

Если помнишь
мы прошли еще ровно двенадцать шагов
твоими шагами
и взглянули на дерево-женщину
под окнами темного дома
Нам показалось что в проеме его
не достает из белого мрамора
профиля
Мы соскользнули с протертой ступени
и очутились в зимнем соборе

Ты сжимала запястье
и я чувствовал венами силу раствора
схватившего каменный свод

***

Рождаюсь рыбой подумав о дожде

и чувствую спиной
что слово «дождь»
намного тяжелей
дождя
и если бы я был глухонемым
то несомненно
был ремесленником

***

Я обнимал грозу
а ночь сочилась
с грозди
и заливала небо
вяжущим вином

Я вижу как вода

Я вижу как вода выдумывает берега
когда ты лежишь на осени
когда ты лежишь на дожде
и подмигиваю себе в твоем обнаженном
глазу
и думаю
что мне не по пути с одиночеством

А ты говоришь
«слышишь
ночью даже рыбы кричат»
и еще
будто в темноте бег смелее
потому что не видно куда бежишь
будто ночью все становится
небом

таким пустым и огромным что птицы
боятся летать

Тогда я обрастаю чешуей
начинаю дышать жабрами
и уплываю
в деревню водорослей – свою прародину
где меня встречает
голая пятка одноногого рыбака
напоминая о существовании не только
человека
но и
ц
а
п
л
и

***

Торчащий из земли
кинжал эпохи бронзы
ударил болью
в мою ногу

О как красива и темна
месть прошлого
в соленой крови настоящего !

Взгляд с вершины прошлого в себя

Я бродил по холму
и подбирал движением руки
по нескольку тысячелетий сразу

Мне попадались
кремневые отщепы
поддоны чернолаковой посуды
зеленое персидское стекло

Все здесь перемешалось
эпохи
города
народы
государства

Сплелись как заговоры
месть
измена
сплетни
тщеславие
стяжательство
чинопоклонство
И лицемерие глав рода и племен
переходило по наследству вместо золота

Я обнаруживал в себе
пласты веков
когда как археолог проникал
в культурные слои людских пороков

Так я бродил по древнему холму
где старая античная собака

читала по моим губам молитвы
и что-то рисовала мне хвостом
в просвете между тучей и хребтом далеким

Я встретил в это утро две грозы
и три дождя
почувствовал усталость
и как солдат прошедшего тысячелетия
прилег на глину мокрого могильника
Там на мою ладонь
приполз играть с судьбой
червь дождевой

Он становился
то буквой
то иероглифом
то клинописью

то кругом
то крестом
а то звездой

***

В нас прорастала синева
И древняя река вплеталась в море –
Венцом Империи, династии и Рима.

Мы говорили молча.
Зримо.
И лишь агава
Наливалась взрывом,
Да башня набухала, как бутон.

Скрипел песок
И лопались сосуды,
И чайки облетали твою руку –
Античный неопознанный объект.

Плескалось солнце в наших чашках кофе,
Где все темно, а на душе – светло.

Тревожный взгляд на линию причала,
Избитого штормами беспредела –
Быть может, – это линия судьбы?

Твои ладони, будто губы Бога,
Как поцелуй в январскую весну,
Как тишина,
Как вопль воспоминаний –
Об Августе, но не Октавиане,
Об августе, когда была война...

Послесловие, (2003)

П Р О З А

опрокинутое

ОПРОКИНУТОЕ

Недалеко от древнеабхазского святилища Напра есть местность под названием Волчья Гора. Когда-то на этой горе исполнялся языческий обряд. Летом, в течение нескольких дней, здесь созревали черные ягоды. Гора была местом встречи людей и волков. Вкусив ягоды, они впадали в странное состояние.

Черные ягоды. Они налились кровью ночей, выросли прямо из сновидений. Блестящие и мелкие, они поспевали в конце августа. Ягоды жили всего пять дней. И вот, чтобы поклониться им, к Волчьей Горе рычащими волнами стекались стаи мохнатых волков и горцев.

Раз в году они собирались здесь на свой общий праздник. И теперь тринадцать абхазов пришли к месту великой встречи двух народов и смешались

с тысячной ордой самого красивого и самого дерзкого зверя.

Волки срывали с широких кустов черные ягоды с таинственным блеском и подавали округлые шарики людям. Те с благодарностью принимали дары.

Потом такой же обряд исполнили люди. Волки подходили к ним, погружали ладонь человека в свою пасть и, очистив ее от ягод, отходили, ложась под деревья.

Стояла ясная ночь. Первая ночь праздника, а не перемирия. Она углублялась вовнутрь всего живого, проникала в самые сокровенные глубины духа, сотрясала плоть и кровь. Черная ягода ночи многотысячно повторялась в расширенных зрачках волков и людей. Теперь трудно было сказать, где лежит волк, а где человек, они перевоплощались, переливались друг в друга. Волчицы становились ласковыми, как

ночь. Ягода повергала всех в состояние всеобщей любви и всеобщей умиротворенности, таинственного величия – она начинала действовать, излучать прохладное тепло, кружить голову, она показывала удивительные картины недосягаемого прошлого и зыбкого будущего, а красочные холсты полуснов повисали на бескрайней стене пропасти, скользкой от света звезд. Звезды шерстью дыбились на гриве ночи, дыбились от страха, от красоты ужаса. Волк рыдал над человеком, а человек плакал на волком – все перемешалось, все перемещалось в этом сумрачном мире. Состояние бесконечности просачивалось в деревья, – и деревья запели, затанцевали, поднимая на руках веток то человека, то волка. Крики и плач освящали горный лес. Казалось, что сама ночь отведала черных ягод. Когда язык касался их нежной поверхности, блаженство по венам ног впа-

дало в землю, и тогда человек ощущал, чувствовал землю как часть своей плоти.

Пять ночей. И каждая ночь была днем. Ноги отсутствовали, тело то разъединялось, то вновь сплеталось.

В последнюю ночь все звуки провалились куда-то, исчезли – наступило полное молчание, приближенное к молчанию черной ягоды. Дыхание Волчьей Горы становилось ровным.

1977

ЛЕПЕШКА

Село обрастало ноябрем.

А мальчик ходил в школу. Недавно ему исполнилось двенадцать. Еще несколько лет назад Кан думал, что у людей, как и у деревьев, кровь зеленого цвета. Но потом – потом он уже так не думал.

Школа была далеко. Школу он не любил. Кану нравилось только то, что она далеко. Кану нравилась дорога в школу.

Как только мальчик выбегал из дому, он снимал свои ботинки. Снимал не потому, что боялся испачкать их, а потому, что любил ходить по этой дороге босиком. Даже когда выпадал снег, ступни ног Кана не чувствовали холода. Недалеко от школы он мыл ноги в реке, надевал свои ботинки и с опозданием входил в класс.

И вот однажды он шел по дороге и обдумывал, как сплести из коры черешни сумку. Редкие капли дождя ласкали его голову и плечи. Мысленно Кан почти закончил плетение пастушеской сумки. Он немного отвлекся от своего занятия и посмотрел на дорожный холмик. Что-то блестящее и прозрачное лежало на его вершине. Несколько десятков шагов, и Кан уже стоял перед блестящим диском, от которого исходил пар. Дождь выражал всю красоту сверкавшего диска – коровьей лепешки. Мальчик постоял над ней, почувствовал запах молока, а потом погрузил босые ноги в лепешку. Тепло приятно обжигало его душу, и он понял, как холодно ему было все это время, хотя он и не ощущал холода. Ему было так хорошо, что он заплакал. Мальчик вдруг вспомнил то, о чем старался не вспоминать. Кану было семь лет, когда его мать застрелилась

из ружья. Тогда тоже стоял ноябрь, лил дождь. Но тогда он никак не мог заплакать. А сейчас лепешка согревала его тело, и Кан сознавал, что впервые оплакивает свою мать.

1979

ЧУВСТВО ЗВЕРЯ

Нам нужно было переправиться на другой берег.

Мы разделись и вошли в горную реку. Булыжники скользили под нашими ногами.

Вдруг, на середине потока, она прикрыла руками грудь и, краснея, сказала:

– На меня кто-то смотрит…

– Здесь нет ни души, вокруг глухой лес.

– На меня смотрят, – возбужденно повторила она.

Мы огляделись – никого.

По ее розовеющему телу бежала дрожь.

Наконец, мы ступили на противоположный берег и увидели на песке, около глыбы, свежие следы убегающего медведя.

Смеясь, она бросила в сторону леса мокрый камень.

1979

Художник

Он открыл глаза одновременно с потолком.

Мальчик всегда любовался им. Ничего более белого он никогда не видел. Даже у снега – не такой цвет. На потолке он записывал свои самые сокровенные мысли. Мысли были белыми, и потому на белом потолке их больше никто не мог прочитать.

Но вот ему надоело смотреть в потолок. Он решился было встать с постели и швырнул, как котенка, свой взгляд в угол. Котенок превратился в тигра. Тигр сидел неподвижно, но все его тело напоминало слово «прыжок». Мальчик так и застыл, чуть приподнявшись на локте. «Если опущу локоть, – думал он, – этого будет достаточно для смертельного броска. Но откуда здесь тигры? Никогда не слышал о них. Здесь горы. А там, где горы, там всегда найдется хоть один тигр», – спорил он сам с собой.

И вот этот один-единственный тигр пришел и смотрит на него своей кровавой улыбкой. Улыбается как его односельчанин-сосед. Несколько лет назад тот поймал медвежонка, показывал детям, а потом принес топор и на глазах у всех пробил мягкий череп. Он лопнул, как вишня, как черная виноградина.

А сейчас главное не опускать локоть, который все больше и больше затекает. Казалось, что тигр наслаждается его муками. «Теперь ясно, кто разорвал нашу старую лошадь», – подумал мальчик.

И в это самое мгновение тигр зарычал. «Ну, подумаешь, ошибся, – мысленно оправдывался он перед тигром. – Не ты так не ты. Прости».

Он еще что-то хотел произнести вроде того, что тигры не умеют прощать. Иначе бы они перестали быть тиграми. Но замолк. Замолк, хотя он и так

молчал. Молчание прорезала боль в плече. «Тигр еще не напал на меня, а такое чувство, что он уже наполовину разорвал мое тело».

Тигр улыбался в углу угловатой улыбкой. Он чего-то ждал.

Чтобы отвлечься, мальчик хотел было заняться своим любимым делом – смотреть в потолок. Он сделал неловкое движение шеей и застыл от боли. Ему показалось, что внутри шеи, точно выстрел, раздался бамбуковый треск. Движение повисло в воздухе между локтем и потолком. Тигр снова зарычал. Еще тише, чем в первый раз, еще более зловеще.

Теперь он не видел зверя. Тигр не попадал в поле зрения. Взгляд мальчика упирался в каштановый пол. Острая боль пронизывала все тело, а лицо приобретало выражение тигра.

И вдруг он босым броском соскочил с кровати и кинулся на зверя. Тяжело дыша, он сжал руками лапу… и спинку стула. Медленно снял со стула черную рубашку, на которой лежали полоски солнца, падавшие сквозь щели в стене, одним движением надел на себя «тигра» и, как птенец из гнезда, растерянно выпал в день.

1980

КОСМОС

Дети облили бензином собаку и подожгли.

Горящая дворняга беззвучно бежала по краю вечернего города. Еще несколько минут назад это был пес, а теперь у него не было ни головы, ни туловища – одни ноги, не четыре, а больше, которые продолжали нести объятое пламенем бестелесное существо.

Не приморский городок, а образ горящей в ночи собаки загадочно влек к себе Космоса. Он приезжал сюда неизвестно откуда, сваливался с крыш прямо на голову, а затем опять проваливался в никуда. Каждой весной Космос появлялся здесь и первым делом шел по знакомым улицам. Три года назад по ним мчались ноги горящего полупса.

Он любил открытые морские пространства и часто повторял: «Человек вышел из лесу и построил другой лес – город». И в этом лесу ему приходилось

существовать, хотя многие догадывались, что истинная жизнь Космоса струилась серебром на кончике иглы. Он поклонялся ей, как древние поклонялись горной вершине. Оттуда ему открывались зеленоватые просторы миров.

Но Космос снова и снова вспоминал о собаке. Перед ним маячил мальчишка с банкой бензина и такими же глазами. Он так напоминал ему генерала, который взял на воспитание его, Космоса, двенадцатилетним мальчишкой, и тогда же подписал приказ о расстреле двух сыновей известного революционера – врага народа. Придет время, думал Космос, и этот, желтоглазый, тоже возьмет на воспитание какого-нибудь испанца.

У горящей собаки на бегу стирались ноги. Она все бежала и бежала, безжалостно топча раскаленный мозг Космоса и заражая его своим огнем.

1980

ЧАСЫ

Налетевший ветер надул черный квадрат спины и погнал его в сторону моря. Человек протянул руку навстречу широкой ладони волн и крепко пожал ее в воздухе. Пролетавшая чайка прервала приветствие.

– В детстве меня прозвали Убийцей Времени, потому что я случайно разбил первые в нашем селе часы, – рассказывал человек, поглядывая на запястье с черным ремешком без часов. – Потом я, кажется, был юристом, мужем, отцом, военным, пенсионером…

Из службы в армии память старика сохранила лишь один незначительный эпизод. В их части готовились к приезду какого-то генерала и солдатам приказали выкрасить траву в зеленый цвет.

– Как сильно заржавели камни на берегу, видите, – обратился он в сторону человека, которого не

было. Поднял пустую банку с нарисованной рыбой, наполнил ее песком и понес домой.

– Это мой будильник, – пояснил старик и вскоре уснул.

…Ложки, лежавшие на столе около сверкающей вазы, вращались вокруг нее. Они описывали в воздухе круги все быстрее и быстрее, а потом вдруг влетели в вазу, превратившись в стекло. На месте, где они вращались, остался темный след круга с ярко-малиновым оттенком. Он был удивительно ровным. Как только старик подумал об этом, в руках у него оказался циркуль. Несколько раз он пытался прочертить круг по тому следу, но у него ничего не получалось: всякий раз круги, проведенные циркулем, оказывались очень неровными в сравнении с тем идеальным кругом…

– Так что же такое круг? – обдумывая странный сон, спросил себя человек. – Если кто-то неумело рисует его от руки, мы говорим: возьми циркуль. Циркуль и круг?.. Они напоминают стрелки и циферблат.

По утрам он пробуждался от неудержного звона «часов» и шел к морю собирать палки, бутылки, цветные тряпки, искалеченные игрушки. Человек заполнял ими сарай и тут же забывал о них. Каждый раз родственники тайком вывозили все содержимое из сарая, а старик снова и снова населял его минутами и часами, секундами и десятилетиями из человеческой жизни.

– Зачем ты собираешь все это, отец? – спрашивал у него сын. Но человек смотрел на консервную банку с песком и спешил к морю. Оно волновало

его, освещало ясным и синим взором просторного зеркала, состоящего из миллионов осколков того стекла, которое он разбил когда-то в детстве… Человек ходил по берегу и прогонял мальчишек, если те бросали камни в море.

– Море умрет, – испуганно кричал он им.

Дети не слушали его и смеясь запускали обточенные гальки в циферблат вод. Старик начинал плакать, падал на камни, а придя в себя, подползал к морю, нежно брал волну на ладонь, как осколок стекла, сжимал ее в кулаке и перевязывал «пораненную» руку.

В дождь, когда город тонул в запахах моря, он любил проводить время под ивами. Но однажды ливень выплеснул его из-под деревьев, и человек, смутно вспоминая о чем-то, пошел к белому зданию. Ставни его были закрыты наглухо, а он, слов-

но не догадываясь в чем дело, привстав на носки, улыбался, жестикулировал, пытаясь рассмотреть чье-то лицо в темном окне, вызвать отсутствующего. Здесь работала дочь старика. Он напрягал память и шептал: «Кажется, в этом доме живет одна знакомая женщина».

Набережная была пустынна.

Человек смотрел в удлиненное зеркало дождевого потока, в котором уплывал его силуэт.

– Люди, вы стрелки от разбитых часов. Кому нужны вы без циферблата, – повторял он в промокшую пустоту.

В ливневом настроении старик поднялся домой и быстро уснул.

– Что еще за выдумка, – боясь разбудить спящего тихо произнес женский голос, и рука убрала банку с песком, лежавшую у его изголовья.

Когда раннее утро, как обычно, просочилось в окно человека, «будильник» не зазвонил, и он продолжал спать…

1980

БУЙВОЛ

Рано-рано.

Его привели на убой. Вместе с другими. Буйволы собрались во дворе мясокомбината, как рабы-гладиаторы на арене амфитеатра. Изящные, медлительные, пепельно-серые, с большими глазами в большой голове.

Здесь, на площадке, не было ни единого цветка и травинки, все – грязное, пыльное. И люди, толстые, с мясистыми губами, в пыли и поте. Но это какой-то другой пот и другая пыль, незнакомые им. Единственное, что здесь блестело, так это ножи – большие, отточенные. И смерть здесь была медленная, страшная, не такая, как от людей, живущих в высоких лугах, стройных, жилистых, с маленьким ножом в кожаном чехле. Они ласкали буйволов понятными им молитвами, кормили солью, поили буйволят водой. А буйволицы разрешали детям

пастухов разъезжать на своих спинах у самого подбородка неба. И обряд заклания там был так красив, что сами жертвенные животные заслушивались нежными словами, любопытно наблюдая за каждым движением рук. И когда рука с лезвием касалась их шеи, они вздрагивали, как дети во сне от сказки, рассказанной днем.

Они подходили медленно. Один за другим. Люди в грязных халатах, с кровавыми пятнами, обвивали очередному животному веревками ноги и сваливали его наземь. В резиновых сапогах к буйволу подходил человек и перерезал горло. А потом доставал специально приготовленный стаканчик, подставлял его под фонтан крови и, смеясь, выпивал ее. Он был ветераном труда, давно ушел на пенсию, но продолжал работать. Через его руки прошли десятки тысяч животных. Особое удовольствие

ему доставляло резать самых чувствительных из них – буйволов и лошадей. Человек этот искренне гордился своей рабочей профессией. У него была редкая и любимая им специальность. Больше он ничего не умел делать. За долголетнюю работу его наградили орденом. И вот уже будучи на пенсии, он продолжал приходить на мясокомбинат, брал общественную нагрузку и по старинке резал скот вручную, без применения электрических ножей. Он не мог сидеть дома, по-своему скучал по животным. Если работы долго не было, он пребывал в страшном отчаянии, чувствовал себя скверно и не находил места. Но в такие дни как этот, когда пригоняли буйволов, у него был праздник. Ему особенно нравился плач буйволов перед смертью. Когда из больших глаз выкатывались огромные капли виноградных слез. И слышался лишь шепот плача. А

он торжествовал, доказывая, что буйвол не только не самое свирепое, но и вообще не опасное животное. За всю его долгую трудовую жизнь не восстал ни один из буйволов. Он считал, что буйволы не только самые молчаливые, но и вообще самые послушные смерти животные.

Яркое солнце осветило пыльно-кровавое месиво площадки. Других уже не было. Буйвол оставался один. Связанный веревками, он спокойно лежал. Низко склонившись над его глазами, мясник занес над шеей животного нож. В одно мгновение веревки разорвались, как гнилые нитки, а люди, державшие буйвола, разбежались. Взъерошенный, с огромными во весь череп глазами, он стоял над лежащим перед ним человечком с ножом. Мощным движением головы буйвол поднял его на рога и пригвоздил к земле. Затем поднял еще раз и подбросил.

Буйвола била холодная дрожь. Он ходил по огромному двору, окруженному бетонными стенами. Стены соединялись стальными воротами на замке. Буйвол разбежался и ударил головой в металлическую преграду. Ворота заскрипели, но не открылись. Рога животного искривились, из черепа сочилась кровь, застилая глаза. Буйвол разбежался снова и, вложив всю свою мощь и свирепость в стальную преграду, разорвал ворота на две части.

Теперь он был на свободе и бежал по пыльной дороге в сторону маяка. Бросившись в зимнее море, буйвол поплыл подальше от земли, от людей, оставляя позади себя горизонт.

1980

ОНА

С самого утра она была озабочена. Глаза ее блуждали по небольшой комнате. Наконец, она поднялась и начала переставлять мебель. Но всякий раз ей что-то не нравилось. И она находила все новые комбинации бесчисленных перестановок. Потом красивое лицо ее разгладилось. Она облегченно вздохнула и, глядя на детскую кроватку, сказала:

– Ну, вот, кажется, ребенок мой стал меньше.

Под вечер ее настроение вновь изменилось.

Как заговорщиков она собрала все морщины своего лица в одном условленном месте – на лбу, и стала передвигать вещи. Ребенок смотрел на нее и куда-то исчезал, проваливался, а, может быть, стирался. Его вообще не стало в комнате, в пространстве, когда она перенесла на подоконник стеклян-

ную вазочку с сухой веткой. Теперь можно было с любой точки просматривать комнату и не видеть ни ребенка, ни его кроватку – их не было в комнате, они исчезли.

– Все, – устало произнесла она и распахнула окно.

1981

В БАМБУКОВОМ КРЕСЛЕ

Дождь переломился, как сухая ветка.

С вишни падали вишни. Красные, но холодные. И ничего больше не было, кроме утра. И никого больше не было. Только песок пел на побережье, да одна из веток инжира, словно заблудившаяся птица, днем и ночью, ночью и днем несла свой утренний клюв навстречу невидимому проливу.

Он сидел в бамбуковом кресле у самого края травы, граничащей с черным, синим, зеленым, а в то время как солнце уже поднималось красным морем. Цвета его переливались из одного в другой, из множества во множество, а оно по-прежнему оставалось черным, оставалось неизменным. И ничего больше не было. И в этом ничего он подумал: «Почему мы говорим о песке и воде, как о чем то, а не о ком-то?»

Он умирал в просторном кресле. Умирал уже много лет. Он никогда не стоял выпрямившись и не знал, что чувствует человек, совершая самый первый шаг. Он говорил, что умеющий шагать не оставляет следов, и что есть люди, которые не оставляют их даже на песке.

Иногда трава вокруг него превращалась в океан – тихий-тихий и очень глубокий, весь мир тонул в ней, отражаясь линией неба. В самые грязные дожди проливной зимы трава продолжала зеленеть как весной. Круглый год. Возвращающийся, повторяющийся. А иногда он разливался морем вокруг травы и смотрел на нее как на остров…

Внешне казалось, что человек молчит. И казалось, что с вишни падали вишни. Но на самом деле вишни уже не было. Вернее, вишня стояла, но вишни не падали. И дождя не было, и моря, и песка,

и ветки инжира и вместо утра стояла… Не стояла, а текла ночь. И были лишь он и зеленая-зеленая-зеленая от звезд скала, нависшая над ущельем. И бамбуковое кресло. Он тихо радовался тому, что создал маленький мир у моря, которое никогда не видел. Только много читал о нем, да еще знал, что глубокие места обозначены на карте темно-синим цветом. Но как обозначить глубину черного моря? Он-то знал по себе, что это невозможно, потому не очень доверял географическим картам.

Человек никогда не ходил, не сделал за свою жизнь ни одного шага. Но был великим Путешественником. Во всех подробностях он рассказывал о землях среди океанов и о тех местах, где вообще не знали, что такое море. Он был глубоко убежден, что все в мире напутали путешественники, выдумав множество названий – Америка, Австралия,

Азия, Африка… И что войны, маленькие и большие, следствие путаницы, внесенной ими на Земле. Потому европейцы утверждались в Америке, Азии или Африке, а азиаты стремились осесть в Европе. Никто не заметил, что эти благородные люди – путешественники оказались ловкими политиками. Правда, они сами не знали об этом.

Рассуждениям его не очень-то верили мудрые односельчане. Но он их не раз искренне удивлял подробными рассказами о том, с какой стороны лучше подобраться к такой-то скале, где в расщелине дикие пчелы прячут мед, на каком из тысячи склонов незнакомого ему альпийского луга растет нужная трава и как приготовить из нее лекарство. Самые известные охотники обращались к нему за советом. Они часто говорили меж собой, вот был бы человек, если бы еще и ходил. А может быть, и

не был, сомневались другие. Пока они сомневались, в небе вырос дождь и переломился, как сухая ветка. С вишни падали вишни. И ничего больше не было, кроме утра.

Кресло сидело на траве.

В кресле сидел человек.

Лицо его неподвижно смотрело в просвет между небом и землей. Он просил похоронить себя стоя.

Ласточка подхватила пух.

Ласточку подхватил ветер.

1981

ТИР

Был июль.

Он смотрел на свои туфли. Вернее, он смотрел, как плавится от жары асфальт. Но и асфальт его не интересовал. Паса интересовали часы на городской башне. И вот он сидел у моря, на каменном барьерчике, и думал, почему в жару они останавливаются. Мастер, занимающийся ремонтом этих часов, не мог объяснить причину их остановки – с часами было все в порядке. Просто они по какой-то непонятной причине останавливались вдруг и все. Пас понимал городские часы: им надоедало отсчитывать время среди всеобщего летнего зноя и неподвижности. Вот и теперь часы остановились. Остановился и Пас. Он выпал из действительности, убежал от своих двадцати восьми лет, от жены и сына. Позади остались стихи, тюрьма. Наступило безвременье.

Он сидел неподвижно, спокойно, созерцая летний асфальт и пальму.

– Пас, – окликнул его голос.

Но он продолжал смотреть вниз.

– Пас, – повторил голос.

Он поднял голову: перед ним стояла жена. Она взяла его за руку и сказала:

– Пойдем в тир.

– В цирк? – переспросил он.

– В ти-ир.

Пас поднялся. На городских часах было семь. «Мне скоро тоже будет семь, – подумал он. – Надо было родиться 29 февраля?.. Даже день рождения – раз в четыре года».

– Ты знаешь, что я несовершеннолетний? – обратился он к жене.

Она улыбнулась и обняла его за худые углы плеч.

Улица, по которой они шли, была пустынной и тенистой.

В тир она вошла первой. Последнее время они часто приходили сюда. После выстрелов Пас заметно оживал. Она знала, что это было хотя и не лучшее, но средство, которое выводило его из оцепенения. Старый тирщик молча кивнул им в сторону малокалиберного пистолета Марголина. Она достала из сумочки три рубля.

– Я не смогу дать вам сдачу.

– У меня больше нет никаких денег. Может, у тебя есть? – обратилась она к Пасу.

– У меня ничего нет.

– Тогда я их разменяю здесь, напротив.

Тирщик одобрительно кивнул ей, и она вышла. Пас взял со стойки пистолет, зарядил его, прицелился в десятку, а затем отвел руку и выстрелил в свой висок.

Она вбежала с горстью мелочи, взглянула на свою ладонь, вздрогнула и ударила монеты о цементный пол.

Тирщик смотрел на запятую в мишени головы и прошелестел:

– Теперь тир закроют.

1982

ОРЕХ

Веселый «кукурузник» стрекотал, как кузнечик, и подлетал к горе Серебряной. Он уже несколько раз приближался к ней, потом разворачивался и снова шел по кругу, набирая с каждым новым разворотом высоту. Подлетая к очередной вершине, он кружил около нее, поднимался все выше и, когда летчик видел, что необходимая высота набрана, тут же бросал своего маленького, грозно ревущего кузнечика в пружинистую атаку прыжка. Перепрыгнув через один перевал, самолет подлетал к другому и только потом достигал самой высокой горы Серебряной, у подножья которой сверкал летний луг сельского аэродрома.

Над селом – со всех четырех сторон – громоздились горы, горы, горы. И с последней – была еще одна гора. На ней неизвестный художник развесил живописные холсты ледников. Они дышали зерка-

лом и воздухом. Чуть ниже стояли застывшие, как монументальные памятники, леса. Они дышали только прошлым, только древностью. Они признавали только волков, рысей, медведей, диких кабанов. И чтобы понять их, приблизиться к лесу, необходимо было перевоплотиться, почувствовать под собой мощные лапы зверя.

– Сколько раз тебе говорить, – нарушив молчание, кричал старухе какой-то человек, – что твой орех мешает самолету садиться, что он за него хвостом задевает. Сам срублю его, если не уберешь отсюда дерево. Да ты подумай, в центре аэродрома – орех растет.

Молодой летчик стоял рядом, энергично жевал яблоко и молча кивал головой: так что было непонятно, тот ли он согласен со сказанным, то ли это кусочек яблока сотрясает вместе с его челюстями

голову. Прилетевшие пассажиры смотрели на луг, который все называли аэродромом, на дерево, самолетик и шли к выходу, к деревянной калитке.

Взлетное поле быстро обезлюдело. Держась рукой за спину, старуха подошла к ветвистому великану, вместо приветствия погладила морщинистый ствол и присела в его тени.

– Ты не бойся, – говорила она дереву, – я тебя не дам обидеть, пока жива. Ты председателю мешаешь, оказывается. Оказывается, ты виновато, что выросло здесь. Пусть их аэропланы улетают отсюда, а орех не перелетная птица. Росло себе спокойно дерево, а тут приходит новая власть и, главное, сначала ничего против не имеет, молчит, а потом говорит, ты, мол на неположенном месте выросло. Знаю, сегодня ты им мешаешь, а завтра окажется, что я помеха для аэропланов. Им ведь никто не говорит, что они

небу мешают. Гудят, шумят, вот и вся их работа. А мой орех и орехи дает, и тень от него какая, сами говорят – аэровокзал. Все пассажиры под ним собираются. А летчик прилетит, к нему не подойти – весь из чачи. Отсюда полную бутылку везет, а обратно опять за полной летит. А когда чачи нет, то и рейсов нет. Так что не мудрено, что орех ему мешает. Да не будь этого ореха, никакого села здесь и в помине не было бы. Люди-то и выбрали это место и основали здесь наше село только потому, что понравилось им это дерево. Не только власть, народы сменялись, а орех наш стоял. И стрелы железные в нем застряли, и пули, и огнем жгли. Человек не пожалел, жечь стал, а огонь понял с кем дело имеет, сам потух. Срублю, говорит, глупый. Да разве его срубишь, он сам кого хочешь срубит. У председателя зуб на дерево: полез как-то за орехами, да так

шлепнулся, что два ребра снес себе. Теперь говорит, наша власть, наша власть. Я-то помню, немцы когда в село вошли, ему, председателю, уже лет тринадцать было. Так он за пачку печенья показывал им, где девки от них прячутся.

Старуха отвлеклась на мгновение и увидела как мускулистый муравей, только что пробежавший по ее ноге, мчался через поле и валил во все стороны синие травинки. «Вот еще – животное», – улыбнулась она.

– Орех сам выбирал себе человека, – продолжала старуха. – И со мной так было. После смерти старика Балты люди стали обращаться ко мне как к хозяйке дерева. А председатель взъелся на него. Сам залезать уже боится, так договорился прошлой осенью с вертолетчиками, чтобы они повисели немного над орехом. Вертолет стал над деревом висеть,

а орехи не падают… Он вроде и ничей, этот орех, а подумать – все на нем держится. Не понимают люди, в тот день, когда срубят они дерево, зачахнет село, разбегутся все в разные стороны, перестанут летать сюда аэропланы. Ореха нашего не будет – и ничего не будет. Вот только интересно, кого ты после меня выберешь, а?..

Лицо старухи напоминало скорлупу грецкого ореха. Она поднялась, обняла дерево и побрела вопросительным знаком через взлетное поле домой, на самую окраину села.

1982

Дорога

Трава с малиново-серебряными брызгами ягод увенчивала гору, и сочный круг поляны ровно опоясывал вершину. Около нее, как у зеленого водопоя, столпилось стадо коров. Глаза их текли к траве, но ни одно животное так и не сдвинулось с места сорвать травинку. Они стояли будто вкопанные и лишь глухо мычали, бодая упрямыми рогами невидимую преграду у линии круга.

И в это мгновение из недр горы с грохотом вырвалось светящееся пятно и зависло над ее вершиной. Шум внутри пятна расплывшегося по небу словно акварель по мокрой бумаге, нарастал до тех пор, пока оно не приняло образ Семилучевой звезды.

Юго, верховный жрец святилища Дыдрыпш – «Владения Громов», стоял у подножия последнего, седьмого яруса горы, в том месте, где высокие тисы

покорно ложились к ногам круглозеленой поляны. Чтобы не ослепнуть, он смотрел на звезду сквозь закрытые веки и шепотом приветствовал ее по-абхазски:

– И этой весной, всемогущая Дыдрыпш, ты навестила нас!

Лет тридцать назад Юго пробила молния. Темная дыра зияла в его теле.

Он стал рассказывать о будущем, посвящать односельчан в их грядущие судьбы. Стоило ему хоть раз взглянуть на человека, и Юго знал о нем все.

После удара молнии он неделю лежал без сознания. Обугленный, изогнутый, изломанный, Юго напоминал не человека, а какой-то знак, непонятное разорванное существо. Он казался двойником Семилучевой звезды. Почувствовав это, Юго ушел во владения Дыдрыпш. Его, единственного, допу-

скал к себе дух, обитающий на вершине святилища, где даже в сильные снегопады продолжала сиять зеленая трава.

В то утро покой святилища был нарушен взрывами. Строители Северо-Западного участка приступили к прокладке дороги. Опытные пиротехники привычно громили известняки. С каждым днем взрывы приближались к горе Дыдрыпш, и тогда старейшины села обратились к инженеру.

– Здесь наша аныха, святыня, – сказал самый старый из них. – Не надо тревожить ее дух.

– Кого тревожить? – спросил инженер. – Вы из какого века, товарищи… У нас план горит, нам дорогу прокладывать надо…

– Не беспокой аныху, сынок. Не нужно взрывать.

– Аныха, аныха, – раздраженно буркнул инженер и подписал наряд на партию взрывчатки.

Высокие тисы растворялись под тяжестью звезд над пропастью тишины. Жрецы семи ярусов во главе с Юго собрались на восточной стороне конусообразной горы Дыдрыпш и вместо приветствия молча обменялись кизиловыми посохами. Каждый их них прикоснулся левой ладонью к зеркальному стволу священного дерева.

Шесть жрецов нижних ярусов устремили свои взоры на светящийся ствол священного тиса. В нем пересекались пути вселенной и человека, это было мировое древо, где сосредоточились все соки мироздания, сходились тайные тропы невидимых артерий. Юго молчал, слушая как в его вены вливаются

волны созвездий. Глаза верховного жреца излучали неземной свет, который он выплескивал на зеркальный ствол дерева «аа». И это сдвоенное абхазское «а» называлось тисом, было началом всего живого.

Взгляд, нарушающий равновесие.

Да, даже неосторожный взгляд может нарушить равновесие в природе. Юго вспомнил рассказ деда о величественном тисе в верховьях глухой Гумисты и передал его жрецам. Дереву было за тысячу лет. Оно легко взбегало могучими ветвями в небо. И эту тысячу лет человек не ступал в тех местах. Но вот он пришел. Заблудился в лесу и увидел громадный тис. Человек не мог налюбоваться им, рассматривал со всех сторон, удивлялся. А когда привел с собой людей показать дерево, – не поверил своим глазам. Огромный, прозрачный тис – высох и наполовину развалился…

Неуловимым движением руки Юго достал из темной дыры своего тела слепого волчонка.

Пиротехники взрывали гору и чем дальше углублялись в пределы Дыдрыпш, тем медленнее продвигались вперед. Старики снова пришли к инженеру с просьбой провести дорогу чуть левее, в стороне от святилища, но тот только отмахнулся.

С каждым днем темп работы замедлялся, заряды с трудом опрокидывали известняки. Инженер нервничал, ругал пиротехников, гору, стариков. Строители с трудом расчистили путь до небольшого уступа. Пиротехник заложил под него мощный, направленный заряд, и рванул. Однако уступ был непоколебим, как крепость. Тогда инженер сам взялся за него. Для чего-то он схватил топор и стал рубить

ветку молодого тиса. И вдруг чья-то невидимая рука развернула топор и вонзила лезвие в его лицо.

«Вершина Дыдрыпш похожа на черную дыру в моем теле», – думал Юго.

Догадывался ли он, что Дыдрыпш – это внеземная область на земле, а он необходим Семилучевой звезде как связующее звено?

Люди приходили к святилищу молиться, присягнуть или исцелиться, только с его согласия, в сопровождении одного из жрецов. Несчастье обрушивалось на тех, кто не следовал священному правилу: одни пропадали без вести, другие сходили с ума, третьи сбивались с пути и бродили по горному лесу, не находя выхода.

Юго отвлекся от своих размышлений.

Внизу, в сопровождении жреца третьего яруса, ползла нить людей.

Вот они приблизились и положили на ровную площадку девушку с седыми волосами.

– Извини нас за беспокойство, аныха, – обратился к вершине старший из них, еще больше скомкавшись и почти до травы опустив голову, – но она не встает уже восемнадцать лет. Помоги нам, аныха.

Жрец третьего яруса повторил просьбу старейшины села. Тогда Юго обратил свой взор к вершине. И вершина ответила ослепительной вспышкой.

Из самых дремучих глубин тисового леса сверкнули во мраке два глаза. От них исходил спокойный, тепло-зеленый свет. Нет, не теплый и не зеленый, но близкий к ним.

Носилки с девушкой приподнялись над площадкой. Она сошла на землю и, не оборачиваясь,

пошла вниз, но теплый взгляд толкал ее в спину, расплывался по всему телу, и вот уже ноги несли девушку по склону горы, и когда она хотела упасть, обнять траву и камни, ей не дали этого сделать.

После гибели инженера партия строителей распалась. Спустя несколько месяцев прибыла новая группа. Направление дороги было изменено, и она потянулась в обход горы Дыдрыпш.

Белый шрам на лице святилища обрывался около уступа, чуть касаясь левой щеки неба.

Юго слагал звездные песни на угловой арфе.

Ветер пронизывал черную дыру его тела как ночное ущелье.

Юго думал, что именно здесь, в глуши, на горе Дыдрыпш, в стороне от мира, пересекаются истинные пути вселенной и человека, пути Великого

Духа, а цивилизация, увенчанная ракетами и космодромами, развивается в стороне от этих главных дорог.

Над вершиной святилища расплывалась Семилучевая звезда. Она увеличивалась на глазах, пока не заняла полнеба.

Светлячки, как растения, росли прямо в воздухе.

1983

Содержание

«магнолия...» 5
«распустилась...» 5
«пил...» 7
«печаль двойная...» 8
«рука...» 9
«стертые сады ...» 10
«и волосы дерева...» 11
«Священной книгой ветра...» 12
«Под парусами глаз плывет гора...» 16
«Ветер в траве...» 17
«молния сказала что и ночное небо синее...» 18
Анакопия 19
«со старой крыши...» 21
«человек...» 22
Лыхны 23
«ветер разламывает крылья крика...» 24
«остановилась птица в полете...» 25
«в горах любовался змеей...» 26
«скорпион...» 27
«ветви сомнений и ветер белый...» 28
«сегодня туманное небо...» 30
«сказал: облако...» 31
«мокрая ветка...» 32
«упал лист...» 33
«жара...» 34
«багровое дерево вишни...» 35
«мне встретился старик ...» 36
«с глазами двойной пропасти...» 36
«Я видел как старый камень...» 37

«Пела тропа...» 38
Воинам Абхазского царства 43
«в зеркале ледника нелегко отыскать себя...» 44
«под листопадом темных слез...» 46
«над нами ...» 47
«деревья бегут из лесов...» 49
«вытерев ноги о слов росу...» 54
«уйти...» 56
«Стрекоза села на медузу и вздохнула...» 58
«Проникну в запредельное...» 59
«Я вижу как с веток...» 60
«Это черное нервное море...» 61
«Мы бродили тесными переулками разговоров...» 63
«Рождаюсь рыбой подумав о дожде...» 65
«Я обнимал грозу...» 66
Я вижу как вода 67
«Торчащий из земли...» 69
Взгляд с вершины прошлого в себя 70
«В нас прорастала синева...» 74
Опрокинутое 78
Лепешка 82
Чувство зверя 85
Художник 86
Космос 90
Часы 92
Буйвол 98
Она 103
В бамбуковом кресле 105
Тир 110
Орех 114
Дорога 120

Станислав Зосимович Лакоба

ИЗБРАННОЕ

Стихи

Рассказы

Редактор *Н.Венедиктова*

Художник *А.Лабахуа*

Верстка *Н.Гунба*

Формат 70х100 $^{1}/_{32}$. Тираж 300. Физ. печ. л. 4,125.

Усл. печ. л. 5,36. Заказ №....

Отпечатано в ООО «Флер-1»

350058, г. Краснодар, ул. Уральская, 98/2